

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ (окончание)

Малинова Изабелла Павловна

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ruzh@usla.ru

Рассматривается методологическая составляющая истории и философии науки. Анализируется влияние философских дискурсов на правовое мышление. Дается оригинальный анализ оппозиций классической и неклассической философии права, их противоборства в правосознании и юридической науке XX–XXI вв.

Ключевые слова: наука, право, метод, методология, дискурс, парадигма

HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (the end)

Malinova Izabella

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ruzh@usla.ru

The author investigates a methodological component of history and philosophy of science. She studies how philosophical discourses have influenced the legal thinking. There is a novel analysis of the oppositions of classic and non-classic philosophy of law, their confrontation in legal awareness and legal science of the 20–21st centuries.

Key words: science, law, method, methodology, discourse, paradigm

12. Предмет юридической герменевтики. Понятия «текст», «интерпретация», «герменевтический круг», «аспекты значения понятий»

Юридическая герменевтика – наука о толковании, интерпретации в праве. Г. Ф. Шершеневич считал, что «предметом юридической герменевтики являются техники толкования юридических текстов».

Герменевтический дискурс присутствует во всех рубриках философии права, поскольку служит средством реализации самой древней формы правовой свободы – состязательности – на основе юридически значимой интерпретации событий и толкования норм права.

Текст – идеи, выраженные средствами определенного языка. Языки могут быть вербальными (слова, буквы, цифры, знаки) и невербальными (жесты, мимика, ритуальная, архитектурная символика и др.).

Есть два подхода к пониманию текста:

- 1) текст – система вербально, символически выраженных смыслов, идей;
- 2) свойствами текста обладают все явления действительности, в том числе правовой (например, жизненные события могут по-разному «читаться», интерпретироваться, в них может быть усмотрен разный юридический смысл или его отсутствие).

Для толкования вербальных текстов необходимо знание логико-философской теории понятия, ее лексикона.

Значение понятия – класс предметов, явлений, обозначаемых этим понятием, т. е. его объем. Например, значение понятия государства – это все государства.

Для чего в словаре определяется значение понятия? Для того, чтобы сохранить в культуре его первоначальное значение. Так, «змея подколотная» не входит в первоначальный класс змей как рептилий.

Смысл понятия – совокупность свойств, при наличии которых мы данный предмет обозначаем данным понятием (например, слова «слон», «кошка» начали употребляться в качестве обозначений совсем других предметов).

В ряде направлений философии XX в. разделение значения и смысла понятий не принято, и используется только выражение «значение понятия». Но в этом случае приходится выделять аспекты значения понятий и вводить соответствующие разграничения в определении функций, структуры понятий в сфере мышления, в тексте.

Аспекты значения понятий разграничил в работе «Семиотика» Ролан Барт.

Парадигмальный аспект значения понятий – словарное (общепринятое, социально легитимированное) значение слова, словосочетания.

Синтагматический аспект значения понятия – значение слова, словосочетания в конкретном тексте (фактически смысл понятия).

Интерпретация – мыслительная операция, нацеленная на выявление скрытого смысла, прямо в тексте не сформулированного. Интерпретация – одна из самых ранних форм проявления правовой свободы, потому что лежит в основе реализации принципа состязательности. Субъекты права имеют возможность защищать свои интересы, интерпретируя свои действия, действия других субъектов, а также толкуя тексты норм.

Герменевтический круг – соотношение в тексте части и целого: текст в целом невозможно понять, не зная его частей, а каждую из частей невозможно понять, не понимая текста в целом.

13. Х.-Г. Гадамер: соотношение интерпретации и догматизации в праве

Наиболее известное произведение Х.-Г. Гадамера – «Истина и метод». В нем ученый опирался на методологические модели лингвистической философии, согласно которым язык рассматривается как традиция: язык сохраняет свою целостность, самоидентификацию за счет седиментации (оседания) в нем результатов интерпретации его терминов в актах речевой коммуникации. Таким образом, любая традиция сохраняется только за счет закрепления в ней результатов ее изменений в конкретных ситуациях ее интерпретации.

Гадамер уподобил право языку – с той точки зрения, что право обладает свойствами традиции, и поэтому понять его развитие можно с помощью тех же методологических моделей, которые сконструировали лингвисты. В русском переводе текста Гадамера указано, что право основано на «предании». Понятно, что здесь автор следует идеям английского философа XVIII в. Д. Юма, для которого «право основано на привычке, хабитусе».

С позиции Гадамера, право сохраняет свою целостность и самоидентификацию за счет «догматизации» в правовой традиции результатов ее интерпретаций в конкретных судебных процессах и иных правовых ситуациях.

В качестве правовой традиции можно рассматривать развитие любой национальной правовой системы, любого правового института, любой правовой категории, юридической нормы, юридической конструкции.

В свете концепции Гадамера толкование в праве можно расценивать как особый вид правовой деятельности (до перестройки толкование понималось только как вспомогательная мыслительная операция в рамках некоторых других видов правовой деятельности).

14. Методы толкования вербальных текстов (способы определения значения слов и выражений)

В позитивистской традиции представителями неопозитивизма были разработаны методы толкования вербальных текстов.

1. Значение слова, выражения – способ его употребления в языке. Такой метод определения значения основан на теории «языковых игр» Л. Витгенштейна: в естественном языке существуют области, отличающиеся специфическими правилами словообразования и смыслообразования, словоупотребления, лексиконом, фразеологией (литературный язык, профессиональные языки, сословные жаргоны, сленги различных социальных групп и т. д.). Например, помимо профессионального языка компьютерщиков есть их профессиональный сленг. Сохраняя свою относительную автономность, различные области языка взаимодействуют.

2. Значение слова, выражения – соотношение слова и образа в сознании (Б. Рассел). Мыслительная деятельность интерпретатора представляет собой не только «битвы противоречивых помыслов»¹, но и особого рода интеллектуальную игру. В ней есть майевтика, ирония, юридическое позиционирование.

По меткому выражению Х.-Г. Гадамера, в юридической герменевтике юрист встречается с филологом². При толковании юридически значимых текстов недостаточно выяснения буквального (словарного) значения слов и выражений. В связи с этим весьма плодотворным может оказаться вовлечение в судебскую практику толкования известных, ставших новой классикой концепций значения понятий Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Б. Рассел рассматривал значение слова как отношение слова к образу в сознании³, разграничивая общественно санкционированное (т. е. словарное) значение слова и тот смысл, который подразумевается индивидом в речевом акте: «Но хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание»⁴. Данная концепция может выступать методологической пресуппозицией такой когнитивной техники толкования, которая нацелена на выяснение смысла, вложенного субъектом в свое публичное высказывание, письменное заявление или в спорную (неясную) формулировку условия договора. Когнитивная техника толкования индивидуальных юридических актов, имеющая своим методологическим основанием концепцию Б. Рассела, требует выхода в личностные контексты. Если речь идет о толковании неясно сформулированных условий договора, то для выяснения подлинных мотивов, намерений каждого из контрагентов требуется выход в контексты индивидуализированных обстоятельств, соответствующих заключению договора.

Более универсальной в юридическом применении может оказаться концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна, согласно которой значение слова есть способ его употребления в языке⁵. Называя процесс употребления слов в языке игрой⁶, основоположник лингвистического направления аналитической философии исследовал когнитивно-чувственные основания языковых игр, их роль в развитии языка и мышления: «Когда изменяются языковые игры, изменяются и понятия, а вместе с понятиями и значения слов»⁷.

¹ Данте Алигьери. Новая жизнь // Данте Алигьери. Собр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 21.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 388.

³ Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997. С. 82.

⁴ Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М., 1959. С. 69.

⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 99, 331.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Там же. С. 331.

Идеи Витгенштейна о взаимосогласованном изменении слов и обозначаемых ими понятий применимы не только в диахроническом (историческом), но и в синхроническом измерении. Последнее представляет собой социокультурное пространство, в котором существуют различные языковые области, характеризующиеся присущими им особыми правилами слово- и смыслообразования, словоупотребления, оригинальным лексиконом и фразеологией. Это довольно разные языки, хотя они функционируют в пространстве единого естественного языка: литературный язык, профессиональный язык, сленги различных социальных групп (молодежный сленг, городское арг, воровской жаргон). По меткому выражению Л. Витгенштейна, «язык – это инструмент. Его понятия – инструменты»¹. В различных языковых областях есть свой специфический «инструментарий».

При использовании теории «языковых игр» в качестве методологии возможны толковательные техники, в которых юридически значимые интерпретационные версии строятся и обосновываются с помощью выхода в контексты разных языковых областей. В подобных случаях применим конкурс словарей, в котором легитимирующие основания предлагаемых словарных дефиниций определяются степенью авторитетности энциклопедического издания. Но если конкурс словарей не дает однозначных результатов, то требуется уже контекстуальное толкование, включая филолого-лингвистические экспертизы.

Известен случай из юридической практики, когда скандально прославившийся артист в своем интервью назвал популярную певицу оскорбительным и неприличным словом, обозначающим в просторечии женщину легкого поведения. Она подала иск о защите чести и достоинства, но адвокаты ответчика выиграли дело, сославшись на академический словарь русского языка XVIII в., в котором данное слово расшифровывается как «ложь, неправда» и не имеет того оскорбительного смысла, который оно приобрело в современном языке, утратив прежнее значение. Пресуппозицию выгодной для подзащитного интерпретационной версии эксперт-филолог нашел в языковых контекстах старорусского языка. Очевидно, что решение суда лишь формально соответствовало буквальному, словарному значению оскорбительного слова. Нет никаких сомнений в том, что адвокат истицы выиграл бы дело, если бы, сославшись на теорию «языковых игр» Л. Витгенштейна, доказал, что в современном языке данное слово употребляется только в одном – неприличном – смысле.

Особенность этой когнитивной техники толкования – обращение к социокультурным, языковым контекстам. Толковательная техника, методологическим основанием которой выступает теория «языковых игр», весьма перспективна, спектр возможностей ее использования в правоприменительной практике неисчерпаем.

15. Буквальное и контекстуальное толкование

Специфическим является отношение к термину «буквальное толкование» в сфере гражданского права. Например, в Комментариях к ГК РФ В. В. Витрянский пишет, что буквальное толкование – это толкование словарное. При этом речь идет прежде всего о толковании *актов индивидуального регулирования* (договоров, завещаний).

В рамках философско-правового подхода термин «буквальное толкование» рассматривается в корреляции с термином «контекстуальное толкование», которое осуществляется в тех случаях, когда словарного недостаточно. Важно отметить, что под буквальным толкованием в принципе понимается не только словарное, а вообще общественно санкционированное толкование, основанное на общепринятых представлениях, конвенциях о смысле фраз, слов.

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 236.

Кстати, в международных нормах о толковании договоров буквальное толкование определяется через формулу «общепринятые смыслы» (ст. 31, 32 Венской конвенции о толковании международных договоров 1969 г.).

Вообще буквальное толкование в когнитивном аспекте – это именно толкование в общепринятом смысле, ведь словари являются способом легитимации общепринятых смыслов.

Повторим, что при разрешении конкретных споров может потребоваться конкурс словарей, так как в них могут быть совершенно разные варианты разъяснения смысла одного и того же слова, выражения.

Контекстуальное толкование – уяснение смысла текста или его части путем выхода в избранные интерпретатором контексты (правовые, социокультурные, ситуационные и т. д.). Например, в ч. 2 ст. 431 ГК РФ законодатель рекомендует для выяснения действительной общей воли сторон выход в контексты обстоятельств, соответствующих заключению договора, к которым относит предшествующую переписку, последующее поведение сторон и т. д. Если процессуально предусмотренным образом суд признает текст спорного условия неясно сформулированным, то для него буквальное толкование уже невозможно, а возможно только контекстуальное.

При решении любой интерпретационной проблемы необходимо выходить в разные контексты, располагающиеся в разных системах координат, так как юриспруденция в целом и отдельные ее отрасли, конкретные правовые ситуации неразрывно связаны именно с социокультурными контекстами.

16. Классификация видов интерпретационной деятельности, ее общая структура и смысл с точки зрения юридической герменевтики

В ТПП разработаны развернутые классификации толкования закона. В них базовым является разделение на официальное и неофициальное толкование. Но в эти классификации не входят виды интерпретации актов индивидуального регулирования и самих жизненных событий.

Подход юридической герменевтики не ограничивается классификацией видов толкования текстов законов. Элементами системной классификации видов интерпретационной деятельности в праве являются:

1) юридически значимая интерпретация событий, действий, так как все события, действия обладают свойствами текста и могут быть «прочитаны», т. е. интерпретированы. Не случайно М. Хайдеггер называл человеческое бытие *понимающим* бытием. В любом событии, действии можно найти тот или иной культурный, политический или иного рода смысл. В данном случае речь идет о юридически значимом смысле;

2) интерпретация актов индивидуального регулирования (договоров, завещаний). Следует подчеркнуть, что здесь речь идет о включении текстов актов данного типа в общую классификацию видов интерпретационной деятельности в праве;

3) толкование тех юридических норм, на основе которых выявляется юридический смысл жизненных событий и действий.

Общая логика этой классификации такова.

В первом разделе речь идет о юридически значимой интерпретации (квалификации) жизненных событий как в виде действий, так и в вербально-текстовой форме актов индивидуального регулирования (договоров, завещаний). Во втором разделе классификации речь идет об интерпретации текстов тех норм, на основании которых в первом разделе были произведены юридически значимые интерпретации.

Классификация видов интерпретационной деятельности в контекстах юридической герменевтики имеет в основе когнитивные аспекты толкования, философские методологические модели.

Состязательность базируется на интерпретации субъектами права в своих интересах норм и событий, которые под эти нормы «подверстываются». В борьбе правовых интересов всегда была чрезвычайно важна степень обоснованности (легитимации) конкурирующих интерпретационных версий, выдвигаемых участниками судебных разбирательств. При этом важнейшей составляющей такого рода легитимации является авторитетность, общепризнанность, научная и культурная ценность тех методологических оснований, на которых построены предлагаемые вниманию суда интерпретации.

Г. Ф. Шершеневич использовал термин «техники толкования»¹, подразумевая виды, методы, процессуально-юридические регламенты толкования. С нашей точки зрения, техники толкования можно подразделить на собственно юридические (нацеленные на процессуально-юридические аспекты толкования) и когнитивные (сфокусированные на методах мыслительных операций интерпретационного типа). Последние осуществляются через обращение к методологическим контекстам герменевтики, лингвистики, аналитической философии, семиологии, философии права.

17. Буквальное и контекстуальное толкование (к истории вопроса)

В истории юриспруденции прослеживается эволюция соотношения буквального и контекстуального толкования актов индивидуального регулирования.

Вплоть до эпохи Юстиниана в римском частном праве превалировал принцип безусловного приоритета буквального толкования. Это приводило к тому, что воля завещателя нередко противоречила существующим законам: раб не мог унаследовать имущество, поскольку юридически являлся вещью, а не самостоятельным гражданином, собственником. До Юстиниана завещание рабу не выполнялось, так как он не мог обладать собственностью. И согласно принципу «Закон не может быть изменен волею договаривавшихся сторон» в сочетании с приоритетом толкования по букве наследство передавалось по закону. Однако Юстиниан предложил принцип, согласно которому целью толкования завещания является выяснение действительной воли завещателя: если наследодатель завещал рабу, значит, если бы он знал закон, то дал бы будущему наследнику вольную. Отсюда следует, что надо давать вольную тому рабу, которому наследодатель завещает свое состояние или его часть. С методологической точки зрения Юстиниан ввел принцип приоритета контекстуального, а не буквального толкования актов индивидуального регулирования, дал начало традиции толкования по воле.

Договор и завещание – это акты индивидуального регулирования, поэтому принципы соотношения буквального и контекстуального (по воле) толкования для них аналогичны.

18. Методологические проблемы толкования актов индивидуального регулирования (принцип *contra proferentem*)

Толкование договора со времен римского права является достаточно самостоятельной юридической конструкцией, пережившей за много веков существенные трансформации. В ч. 1 ст. 431 ГК РФ указано: «При толковании договора судом должно приниматься во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Если (спорное) условие договора сформулировано неясно, то его буквальный смысл следует выяснять путем обращения к другим условиям договора и смыслу договора в целом». Таким образом, в ч. 1 ст. 431 ГК РФ законодателем предусмотрено обязательное установление судом ясности или неясности формулировки спорного условия, и в случае установления «неясности» *рекомендуется все равно выяснять буквальный смысл спорного условия*, что само по себе парадоксально. Законодатель не учитывает, что в случае установления неясности формулировки спорного условия речь уже может идти не о буквальном, а только о кон-

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.

текстуальном толковании. Но, рекомендуя уяснить буквальный смысл спорного условия через выход в контекст договора в целом, законодатель отождествляет буквальное и контекстуальное толкование, что ведет к путанице.

Ясно или неясно сформулировано оспариваемое условие договора, решает суд. В большинстве случаев это центральный предмет спора. Например, обманутому дольщику в суде нужно доказать, что спорное условие сформулировано неясно. Договоры присоединения часто нарушают права граждан тем, что в них есть *преднамеренно* неясно сформулированные условия, т. е. «ловушки».

Если суд установит, что условие договора сформулировано неясно, то с точки зрения логики, герменевтики, семантики буквальный смысл такого условия уже не может быть определен. А законодатель рекомендует именно это.

Во избежание коллизионности толкования ст. 431 ГК РФ Высший Арбитражный Суд РФ принял постановление от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договоров и ее пределах», согласно которому неясно сформулированное условие договора обращается против его автора-контрагента. Фактически это достаточно удачная попытка компенсации недостатков ст. 431 ГК РФ путем закрепления принципа *contra proferentem*.

19. Философские основания принципа толкования по воле

В отечественном гражданском законодательстве закреплено правило, согласно которому приоритет отдается буквальному толкованию текста договора (ст. 431 ГК РФ), хотя, казалось бы, в эпоху либерализации права более уместным было бы установить в качестве главной цели толкования договоров выявление действительной воли сторон. Однако последнее закреплено только в ч. 2 ст. 431. Если требования первой части не могут быть выполнены, то нужно выяснять действительную общую волю сторон. Но почему на первое место законодатель ставит не выяснение воли сторон, а буквальное толкование волеизъявления? Скорее всего, это позаимствовано из Венской конвенции о правилах толкования договора 1969 г. Но ведь в ней речь идет о чтении международных договоров, которые составляются на разных языках. Там чтение международного договора неизбежно сопряжено с его толкованием. В российском же праве все договоры составляются на русском языке, поэтому нет стадии перевода.

В Конвенции говорится о чтении договора *разноязычными* контрагентами.

20. Проблема нормативности официальных интерпретационных актов

Проблема нормативного статуса (юридической силы) официальных интерпретационных актов уходит корнями в эпоху римского права (дискуссии о законодательных полномочиях римского Сената, а также дискуссии русских юристов о нормативном статусе официальных толкований Сената) и по-прежнему актуальна.

Проблема юридической силы интерпретационных актов высших судебных инстанций является предметом серьезного обсуждения, причем не только теоретического, но и непосредственно связанного с конкретными вопросами правоприменительной практики. Это, можно сказать, древняя проблема. Еще Августин Блаженный утверждал: «То же самое мы видим и в рассуждении настоящих временных законов: хотя люди и судят о них, когда их устанавливают, но раз законы установлены и введены в действие, судье позволяется судить уже не о них, а сообразно с ними»¹. Но это не относится к высшим судебным инстанциям хотя бы потому, что в правоприменении последнее слово остается за ними.

¹ Августин (Блаженный). Творения: в 2 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.; Киев, 1998. С. 432.

Легитимирующую силу имеют интерпретационные акты и Конституционного Суда, и других официальных инстанций¹. Именно они оказались сегодня в центре полемики в научной литературе.

М. Н. Марченко считает, что если, как предлагают отдельные авторы, именовать эти акты «своеобразными» нормами или «квазинормами», то «тем самым в определенной мере снимается искусственный пафос и острота спора, который время от времени возникает по поводу того, создает Конституционный Суд России новые нормы права или же он только применяет, толкует и уточняет уже существующие нормы...»².

В рамках обсуждаемой темы уместно напомнить, что дискуссии о том, обладают ли решения и толкования высших судебных инстанций свойством нормативности, традиционны для отечественного права. Весьма показателен в связи с этим следующий исторический факт: опыт толкования кассационными департаментами Сената Российской империи в XIX – начале XX в. стал предметом серьезной полемики, имеющей общественный резонанс. Среди юристов преобладало мнение, суть которого обобщенно изложил Г. Ф. Шершеневич: «...Кассационные решения могут иметь такое же значение источников права, как и наука, т. е. они убеждают в правильности своего толкования, но обязательная сила им чужда. Однако Сенат идет далее и придает своим решениям не только нравственное, но и юридическое значение, предполагая их обязательность для судов на будущее время, т. е. придает им силу закона... Но нигде в нашем законодательстве не признано за Сенатом права издавать законы... Наши ученые юристы с поразительным единодушием отрицают юридическую обязательность кассационных решений»³.

Эту точку зрения поддержал первоприсутствующий (председательствующий) в Уголовном кассационном департаменте Сената действительный тайный советник Н. С. Таганцев, решительно утверждая, что «судебные решения не могут быть признаваемы законом общим, для всех обязательным или служить основанием окончательных решений по делам подобным»⁴. Причем он сожалел, что «...наша судебная практика несколько иначе отнеслась к этому вопросу»⁵.

С немного иной позиции рассматривал этот вопрос Л. И. Петражицкий: «...Кассационные решения, конечно, не законы, а юридические экспертизы, обязательные по закону для того суда, который по данному делу постановляет судебное решение в собственном смысле»⁶.

Исторические корни обозначенной проблемы прослеживаются уже в римском праве. Главным органом власти в Римской республике с конца VI в. до н. э. был Сенат. Известный французский мыслитель XVIII в. Кондорсэ писал по этому поводу: «Сенат, эксплуатировавший уважение народа к старым учреждениям, скоро понял, что привилегия толковать законы почти равносильна праву создавать новые, и он пополнился юристами», стараниями которых, «не имея прямой законодательной власти... присвоил себе право толкования законов»⁷.

Сегодня очевидно, что и по прошествии веков проблема нормативного характера толкований, создаваемых высшими судебными и государственными инстанциями, не утратила остроты и актуальности.

¹ Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. М., 2005. С. 237–238.

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2001. С. 605.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 52.

⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 95.

⁵ Там же.

⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 504.

⁷ Цит. по: Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 83.

Интерпретационные акты Конституционного Суда РФ обычно содержат примерно следующую категоричную формулировку: «Конституционно-правовой смысл указанных нормативных положений, выявленный в настоящем Определении на основе правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике»¹. Однако не следует забывать, что толкование – необходимый компонент судебной состязательности, поэтому не совсем корректно звучат прямолинейные вердикты Суда, запрещающие какие-либо дальнейшие варианты толкования. Кроме того, даже если речь идет об официальном толковании, созданном законодательным органом, обладающим правом формулировать новые версии текста ранее принятых норм, нет никаких оснований для того, чтобы сопровождать результаты такого рода интерпретационной деятельности запретами упомянутого типа.

Несомненно, само по себе установление конституционно-правового смысла юридических норм – это необходимая и очень важная для системы правосудия прерогатива Конституционного Суда, если она не сопровождается запретом на дальнейшие толкования официально интерпретированной нормы. Выявленный в интерпретационном акте Суда конституционно-правовой смысл той или иной нормы может и должен задавать установки для каких-либо дальнейших ее толкований, предотвращая несоответствие последних Конституции.

В условиях либерализации права абсолютизация нормативной силы официальных интерпретаций, если речь не идет о законодательно авторизованных толкованиях, фактически созвучна категорическому вердикту В. М. Хвостова: «Что касается *легальной интерпретации*, то она только по названию есть толкование и в сущности ничего общего не имеет с истинным толкованием. Сила легальной интерпретации зависит не от внутренних свойств толкования, а от того, что оно предписывается надлежащим органом государственной власти; это в сущности не толкование старой нормы, а установление новой нормы права, снабженной обратной силою...»²

Гораздо более современно звучит сегодня следующее утверждение Н. С. Таганцева: «Мысль о том, что значение толкования стоит в прямой связи с несовершенством закона, показывает непонимание природы закона и сущности толкования. Наоборот, чем совершеннее закон уголовный, чем более в нем заменяются конкретные признаки обобщенными юридическими понятиями, чем строже употребляемый законодателем юридический язык, тем больше значения получают для правильности его применения научные приемы толкования законов...»³

21. Классификация видов толкования текстов правовых норм

С точки зрения юридической герменевтики весьма важно исследование соотношения процессуальных и эпистемологических, когнитивных аспектов толкования текстов правовых норм. В классификации выделяются следующие два вида:

1) *дискреционно-типовая* интерпретация правовых норм (дискреция – это усмотрение). Это интерпретация в ходе конкретных судебных разбирательств, которая может укорениться как неписаная традиция в сфере правоприменительной деятельности;

2) *прескриптивно-эталонная* интерпретация правовых норм (прескрипция – предписание). Она осуществляется уполномоченными органами как официальное толкование,

¹ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.

² Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М., 1996. С. 40.

³ Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 87.

обязательное, имеющее близкий к нормативному статус. Результаты этого вида официального толкования правовых норм обладают юридической силой.

22. Язык науки

Каждая научная отрасль находит в исследуемом объекте свой предмет исследования, строит его понятийную (идеальную) модель, а значит, создает соответствующий понятийный аппарат. У каждой научной отрасли свой особенный язык. Он создается учеными, поэтому является искусственным, конвенционально выстроенным. В ходе развития каждой научной дисциплины, в процессе совершения новых открытий ученые конструируют новые понятия.

Например, на рубеже XIX–XX вв. в международном научном сообществе математиков и естествоиспытателей критерии истинности научных концепций в основном носили *конвенциональный* характер: в личных контактах и на конференциях ученые обсуждали интерпретации и символично-терминологические обозначения, связанные с новыми научными открытиями.

Но в 1920-х гг. неопозитивисты «в тоске по безусловным основаниям научного знания» обосновали принцип *опытной верификации* научных понятий, в соответствии с которым критерием научности понятий выступала их опытная верифицируемость. В связи с этим предлагалась кардинальная «чистка» языка науки на том основании, что, как утверждал Альфред Айер, «положения, не имеющие опытной проверки, познавательно бессмысленны». Однако Хилари Патнем разрушил доверие к принципу опытной верификации как надежному критерию научной истинности, указав на его самопроверяемость: сам принцип не удовлетворяет сформулированным в нем требованиям, так как не может быть опытно подтвержден. Это предопределило возврат к конвенциональным критериям истинности научного знания.

Таким образом, достаточно отчетливо просматривается модель спиралевидной эволюции представлений об основополагающих критериях научности понятий, а значит, и истинности теорий.

В 1920-х гг. Казимир Айдукевич создал теорию *радикального конвенционализма*, согласно которой научные языки представляют собой замкнутые системы, построенные на научных конвенциях. Он считал одним из основных принципов, лежащих в основе таких искусственных языков, абсолютную однозначность терминов. Айдукевич обосновал концепцию принципиальной непереводаемости научных текстов, созданных средствами разных научных языков. Однако в дальнейшем он отказался от этой радикальной позиции, приняв во внимание, что все замкнутые искусственные языки являются продуктом конвенций, заключаемых и устанавливаемых средствами естественного языка, а естественным языкам свойственны многозначность терминов, игра смыслов, и данный «дефект» естественных языков не может быть полностью устранен при создании искусственных языков. Научная картина мира зависит от избранной субъектами научного познания «понятийной аппаратуры».

Философские языки (дискурсы) играют методологическую роль в научном мышлении, поскольку содержащиеся в них правила оперирования понятиями и сам понятийный состав несут в себе определенные знания всеобщего характера о фундаментальных связях всеобщего характера.

Библиография

Августин (Блаженный). Творения: в 2 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.; Киев, 1998.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.

- Данте Алигьери. Новая жизнь // Данте Алигьери. Собр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2.*
Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2001.
Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.
Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. М., 2005.
Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М., 1959.
Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997.
Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М., 1996.
Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996.
Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.
Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995.

Bibliography

- Avgustin (Blazhennyj). Tvoreniya: v 2 t. T. 1: Ob istinnoj religii. SPb.; Kiev, 1998.*
Chernilovskij Z. M. Vseobshhaya istoriya gosudarstva i prava. M., 1996.
Dante Alig'eri. Novaya zhizn' // Dante Alig'eri. Sobr. soch.: v 2 t. M., 2001. T. 2.
Gadamer H.-G. Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki. M., 1988.
Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. M., 2001.
Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.
Perevalov V. D. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. M., 2005.
Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. SPb., 2000.
Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: Ego sfera i granicy. Kiev, 1997.
Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii / per. s angl. M., 1959.
Shershenevich G. F. Obshhaya teoriya prava. M., 1910.
Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.). M., 1995.
Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshhaya: lekci: v 2 t. M., 1994. T. 1.
Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. M., 1994. Ch. 1.
Xvostov V. M. Sistema rimskogo prava: ucheb. M., 1996.